

Игорь Тютюкин

ОСТАП БЕНДЕР ВЕРНУЛСЯ

(версия от 07.03.2019 г.)

/ 5 рассказов /

Рассказ 1

«Румынский шпyon»,

Дул тёплый мартовский ветер, и белый папиросный туман поднимался от ночной реки Днестр, когда в районе румынской границы по тающим трескающимся льдинам на советский берег вышел странный человек без шапки и в одном сапоге.

Ни к кому не обращаясь, он трагическим голосом произнёс:

— Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придётся переквалифицироваться в управдомы.

Это был великий комбинатор, только что потерявший в неравной битве с вражескими пограничниками свой золотой миллион.

Лицо его было до неприличия расквашено, тело болело в разных местах, а ногу, сапог с которой был навсегда утрачен, защищал от окружающей среды только толстый увлажнённый носок.

Нога противно мёрзла. Обмотав её вязаным шарфом, несостоявшийся богач спешно поковылял вглубь республики рабочих и крестьян. Навстречу восходящему солнцу, и своей новой советской жизни.

Прячась в жиденьких лесопосадках и прошлогодних сухих репейниках, к вечеру столь неласкового для себя дня, грязный, замёрзший и голодный командор вышел на окраину какой-то деревни.

Лениво брехали собаки. Издали тянуло хворостяным дымком и запахами еды.

Мощный инстинкт самосохранения гнал великого комбинатора к человеческому жилью, в то время, как утомленный ум его искал другие варианты выживания и отдыха, подальше от чужих глаз.

И неизвестно, чем бы закончилась эта диалектическая борьба инстинкта с сознанием, если бы рядом с сидевшим на грязной соломе Остапом, не прозвучал бодрый мужской голос:

— А ну встать! Руки вверх!

Бендер вздрогнул, медленно поднялся, и поднёс обветренные ладони к затылку.

Ему вдруг стало решительно всё равно, что будет дальше. А какая-то часть его даже обрадовалась такому повороту событий.

— Сдаюсь, — прохрипел Остап, пытаясь улыбаться распухшими губами. — Ведите меня скорее к теплому очагу, иначе я элементарно околею.

Из серых кустов вышел высокий хлопец в фуфайке и мохнатой шапке, со старой берданкой наперевес. Он приказал задержанному вывернуть карманы и обыскать самого себя, на предмет наличия оружия.

Не без удовольствия, бывший миллионер продемонстрировал вооруженному парню пустые карманы и отсутствие сапога на ноге.

Каких-либо револьверов, кастетов и ножей у него не оказалось. А орден Золотого Руна, чудом сохранившийся после разбойной заграничной экспроприации, Остап предусмотрительно спрятал в потаённое место одежды.

Отрывисто покрикивая и соблюдая безопасную для себя дистанцию, хлопец повёл хромающего комбинатора в одну из саманных хаток села.

Человека с ружьём звали Кондратий Брысь. Он был городским комсомольцем, прибывшим полгода назад в сельскохозяйственную артель «Красный виноградарь» после окончания Культпросветкурсов.

Совмещая должность заведующего местным клубом и вакансию сторожа артельного инвентаря, он квартировал у одинокого деда, прилежно исполнял свои трудовые обязанности, и мечтал о счастливой светлой жизни в стране победившего коммунизма.

— Вот, дядько Панас, румынского шпyона пымал! — задорно сказал Кондратий, с предосторожностями введя Остапа в хату. — Трэба его связать.

С лавки поднялся полный седоусый хохол с красным лицом и, моргая, уставился на измученного обстоятельствами нарушителя границы.

— Не надо меня связывать, — мирно попросил Остап, снимая с ноги грязный шарф. — Я не шпион. Я советский гражданин, попавший в беду. Помогите мне, товарищи.

И не давая местным жителям опомниться, он стал задавать им быстрые короткие вопросы:

— Выпить е? А закуска найдется? Милиция далеко? Это какой населенный пункт? Шо за село? Кто у вас главный? Телеграф далеко? А почта? Можно присесть? Фуфайку не одолжите? Как вас зовут, товарищи?..

— Я Кондратий, — после очень долгой паузы, не выпуская из рук оружия, хмуро ответил Брысь. — Цэ хозяин хаты — Панас Гнатович. А ты хто?

— Остап Ибрагимович Бендер, — слегка кивнув, представился гость. — Командировочный. Меня избили и ограбили. Но, кажется, цел мой паспорт. Вот он. Можете посмотреть.

И великий комбинатор ловко извлёк из глубин своих одежд завёрнутую в кусок плотной ткани красную книжечку с серпом и молотом.

— Остальное всё украли... Командировочное удостоверение тоже.., — Остап с досадой шмыгнул носом, и сел на лавку.

— Кто ж тэбэ так измордовал? — проверив документ, спросил Кондратий.

— Бандиты, голубчик. Враги Советской власти. Подробности позже... Сначала дайте мне еды. И выпить! Горилки. Или вина. Для согрева. Цэ е?

Последнюю фразу великий комбинатор сопровождал весьма красноречивыми жестами.

Дед Панас, наконец, вышел из неподвижности, засуетился и, пыхтя как самовар, стал шарить по углам своей скромной холостяцкой хаты.

Вскоре на столе появилась пыльная бутылка с тёмной жидкостью, заткнутая бумажной пробкой.

— Выно. Гарное. Отвэдай, будь ласка.

— Ну, за встречу! — бодро воскликнул Остап, откупорив бутылку. — Согласно законов гостеприимства.

И, поморщившись, осушил гранёный стакан местного алкогольного продукта.

Напиток был кисловатым и горьким, больше напоминая брагу, чем вино. Однако хмель быстро согрел душу и тело великого комбинатора. Ему вновь захотелось жить на свете, пусть даже в стране пятилеток, субботников, партийных ячеек и ударников комтруда.

Закусив чёрствой лепешкой, Остап быстро влил в себя ещё один стакан целебной влаги.

«Аборигены не стали употреблять капитана Кука в пищу, — облегчённо подумал он, — а даже наоборот, предоставили еду и питьё ему самому».

— Ну, ты отдыхай, отдыхай. А мэни трэба на работу, — кашлянув, сказал абориген Кондратий. — Охранять артельно добро.

И, с винтовкой на плече, важно вышел из хаты.

Несколько минут он стоял в раздумьях у крыльца, потом свернул сигарку, прикурил, и быстро зашагал к дому товарища Гарбузнюка, местного представителя Советской власти. Надо было срочно известить его о появлении в приграничном селе подозрительной личности.

Но, когда, примерно через час, взволнованный товарищ Гарбузнюк, сжимавший в кармане тяжёлый холодный наган, и молодой культпросветработник Брысь решительно вошли в хату деда Панаса, кандидат в румынские «шпыюны» мирно спал у печки на старых овчинах сном пьяного матроса.

Рядом на лавке глухо пел народную украинскую песню неменяемый Панас Гнатович. А вокруг валялись пустые пыльные бутылки и бумажные пробки.

Хмельной комбинатор чуть слышно стонал и тяжело сопел.

Ему снился удивительный сон, в котором он стоял на пристани в железных кандалах, прикованный цепями к решетчатому парапету. А в это время от берега, издавая протяжные низкие гудки, очень медленно отходил шикарный белый лайнер под бразильским флагом, на борту которого большими русскими буквами было написано «РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО».

На мостике в парадном капитанском кителе и фирменной фуражке, с дымящейся трубкой в зубах, возвышался Александр Иванович Корейко.

Он смущенно улыбался Остапу и виновато разводил руками.

А с палубы приветливо махали золотыми подносами и связками дамских браслетов румынские пограничники, во главе с офицером, одетым в тяжёлую котиковую шубу с собольим воротником.

Рассказ 2

Лекция о культуре питья

Ничто так не сближает людей, как совместное распитие ими спиртных напитков.

Алкоголь умеет молчаливых и застенчивых делать красноречивыми и смелыми. А грустных и спокойных умеет превращать в жизнерадостных и бойких...

Вот только не умеет он воспитывать в людях чувство меры и достойную культуру общественного поведения.

Этого, видимо, можно достичь исключительно безалкогольными средствами.

Да и то не всем. И не сразу. Необходимы жизненный опыт, желание быть культурным и воздержанным, а также специальные знания из области медицины, этикета и психологии.

Внутренний мир граждан Гарбузнюка и Брыся (в отличие от спящего гражданина Бендера) не был обременён вышеуказанными знаниями.

Эти мужчины умели только бесхитростно выпивать и закусывать. Чем и занимались в хате деда Панаса, начиная с раннего утра, периодически совершая попытки разбудить спящего на полу гостя.

А тот, расслабившись от тепла и алкоголя, упорно не хотел просыпаться.

Он что-то бессвязно мычал и отсылал тех, кто его тормозил, то в баню, то к лешему, то в Рио-де-Жанейро, то ещё куда подальше...

Председатель сельского Совета товарищ Гарбузнюк хотел лично дождаться пробуждения незнакомца. А чтобы не скучно было сидеть в хате, принёс из дома большой бидон с молодым вином, которого артель «Красный виноградарь» осенью заготовила изрядное количество.

Компанию невыспавшимся Председателю и культпросветработнику составил безотказный хозяин хаты дед Панас.

Его дочь Ганна, пришедшая утром навестить старика, обеспечила хмельной коллектив свежими картофельными варениками и ржаными лепешками.

Неспешный разговор, сопровождаемый курением самосада и периодическим пением революционных и народных песен, то затихал, то вновь лениво продолжался.

— От, кажи мэни, Кандраша, будь ласка, шо есь само хлавно у постройки социализму у нашем сили? — после исполнения очередной душевной песни спросил товарищ Гарбузнюк своего молодого собеседника.

— Культура та сознательность, — как на экзамене по политграмоте, без запинки ответил тот.

— Опять ты со своей хультурой! Иде я ее тоби возьму? Хлавно — цэ хосударственный план! И производительность труда.

— Так ить культура тож потрібна, товарищ Предсидатиль, — не сдавался Брысь.

— Потребна. Ни спорю. Но её на хлеб ни намажишь, хультуру ту. Ты на Просветкурсах учив производительность труда?

— Учив. Но шоб её достичь, потрібна культура та сознательность. Вот еси б у мой клуб завлечь гарного лектора з города... Я ж не усё могу красиво сбалакать. Та артистив бы нам, для концерту... Вы уж похлопчьте у райони, товарищ Гарбузнюк.

— По возможности, Кандраша. По возможности, — чинно завершил очередной диалог Председатель. — Ну, давай ще по чуть-чуть, та спиваем «Дывлюсь я на нэбо».

Кондратий кивнул, и стал медленно переливать вино из бидона в крынку.

В этот исторический момент и раздался сонный голос великого комбинатора:

— Где я? Где я, товарищи?!

Он слегка приподнялся над своим скромным ложем, и туманный взор его стал плавно блуждать по хате, словно пограничный прожектор по тающим льдинам реки Днестр.

Но это только со стороны казалось, что проснувшийся плохо ориентируется в окружающей обстановке. На самом деле, Остап давно пришёл в себя. И даже успел, лежа на полу, обдумать пунктирную линию своего дальнейшего поведения. Исходя из анализа услышанной им полезной информации.

— А-а-а, хражданин Бендир, еси ни ошибаюся, — радостно воскликнул представитель власти, ощупывая наган в кармане. — Наконец-то Вы продрыхлиси! Я — Прэдсидатиль местнохо Совэста. Харбузнюк Пэтро Пэтрович. Покажите Ваши докумэнты, та расскажите, шо Вас прывило у наши края.

Остап вальяжно, словно лев, потряс шевелюрой, сбрасывая остатки хмельного сна, и попросил холодной воды.

С удовольствием утолив жажду, он предъявил слегка помятый паспорт. После чего уверенно начал свой обстоятельный и яркий рассказ.

Из которого следовало, что он был направлен в эти места для чтения просветительских лекций трудящимся, по линии Наркомкульта. Что раньше он работал старшим администратором филармонии города Черноморска. И что накануне его жестоко избили и ограбили разбойники-контрабандисты.

Его, якобы, в связанном виде привезли на тарантасе к румынской границе (за которую бандиты, естественно, ушли) и хотели утопить в речной полынье. Но он сумел развязаться, и героически сбежал, лишившись шапки, пальто и одного сапога.

В качестве доказательств были продемонстрированы оставшийся грязный сапог и поцарапанные руки со следами пыток и верёвок.

— А Вы навэрно з Винницы приихалы? — участливо спросил Кондратий.

— Оттуда, — не моргнув глазом, ответил Остап. — Винница гарный город. Дюже гарный. С гарными культурными традициями.

Услышав свое любимое слово «культура», Брысь предложил тост «за подъем культуры и сознательности у народных массах».

Присутствующие не возражали.

Председатель Гарбузнюк не очень-то верил словам общительного гостя. Он внимательно разглядывал и слушал его, обдумывая, когда и как сообщить в компетентные органы о появлении на подвластной ему территории данного субъекта. В то время, как захмелевший Кондратий стал проявлять явную симпатию к своему малознакомому коллеге.

— А по яким тэмам у Вас лэкции, товарищ Бендир? — глядя в кристально честные глаза Остапа, спросил Брысь после небольшой паузы, связанной с раскуриванием самокрутки. — Може шо-нибудь прочитаити у нашем клуби?

— Почему бы не прочитать, — миролюбиво отвечал Остап, плавно отгоняя от себя густой махорочный дым. — Без проблем. С артистами тоже могу помочь. Есть у меня знакомства...

И великий комбинатор перешёл к увлекательному повествованию о своей плодотворной работе в филармонии города Черноморска.

— Эх, какой там уникальный малый духовой симфонический оркестр! Под руководством маэстро Паниковского-Гуселюбова! Как они здорово поют..., извините, играют. Виртуозы! Таланты! Гении!.. Или вот, чтец-декламатор, и по совместительству конференсье, Васисуалий Лоханкин. Настоящий советский интеллигент. Умница!.. А подниматель тяжестей Александр Балаганов. О-о-о! Что он может творить с обычными чугунными гирями. Вы бы видели. Такое не снилось даже знаменитому Ивану Поддубному...

— Звиняйте, товарищ, хотелось бы послушать насчёт лэкций, — прервал тёплые воспоминания Остапа недоверчивый Председатель.

— Да-да. Касательно лекций, — ощутив прилив вдохновения, встал из-за стола командор. — У меня есть много разных тем... Например: «Профилактика женской импотенции». Неинтересно? Тогда: «Новые способы сухой стирки белья в засушливых районах»... «Влияние чукотских народных песен на повышение плодовитости свиноматок»... «Особенности домашнего разведения соловьев, кукушек и тетеревов»... Могу предложить также лекцию «О культуре питья алкогольных напитков». По-моему, очень актуально для ваших мест...

— Ага. Цэ ахтуально! — почти хором подтвердили собеседники Остапа. И даже молчаливый дед Панас согласно закивал своей плешивой головой, хотя совсем не понимал сути разговора.

— Пожалуйста. Могу прочитать, — улыбнулся командор, — хоть сейчас. Это, кстати, самая популярная лекция за последнее время... Низка еще, товарищи, ох как низка у нас культура питья спиртных напитков!

И, с одобрения собравшихся, великий комбинатор приступил к импровизированному выступлению.

— Прежде всего, товарищи, позвольте отметить, что употребление внутрь так называемых алкогольных напитков известно человечеству с очень древних времён. И с этих же самых времён берут свое начало злоупотребления вышеназванными напитками. А именно — пьянство и алкоголизм.

Если алкоголизм, или очень сильная привязанность к спиртному, является медицинским недугом, то есть фактически болезнью, то пьянство представляет собой не болезнь, товарищи... А что?..

— Шо? — переспросили лектора заинтригованные слушатели.

Остап многозначительно поднял вверх указательный палец:

— Пьянство представляет собой следствие низкой культуры питья. А точнее, товарищи, следствие наличия полного отсутствия какой бы то ни было культуры!

С этими словами оратор подошёл к столу, налил в гранёный стакан немного вина, и с удовольствием медленно выпил его.

— Так вот, товарищи, знаете ли вы, чем алкоголик принципиально отличается от пьяницы?

— Чем? — опять переспросили слушатели.

— А вот чем. Алкоголик хочет — пьёт. И не хочет — тоже пьёт. А пьяница, хочет — пьёт, а не хочет — не пьёт.

— Во как! — радостно воскликнул Кондратий, хлопая себя рукой по колену.

«Трэба запомнить», — подумал товарищ Гарбузнюк, совсем забыв о компетентных органах и всём остальном.

— Ну, ну, продолжайте, — кивнул он Остапу. — Дюже интэрэсно!

— С алкоголизмом и пьянством, товарищи надо бороться. Эти уродливые явления активно мешают строительству коммунизма и осуществлению мировой революции. Но бороться с ними следует умело, не перегибая, так сказать, палку. Поскольку мировой опыт говорит нам о том, что полным запретом, или так называемым «сухим законом», эту серьезную проблему не решить.

Вот, к примеру, в Китае, в шестом веке нашей эры, запрет алкоголя привёл к распространению наркотика опиума. В мусульманских странах по той же причине граждане стали курить наркотик гашиш. А в буржуйской Америке, между прочим, из-за «сухого закона» резко возросло число смертельных отравлений вредными спиртовыми суррогатами.

— Надо ж! — удивился Председатель. — А мы и не знали!

— Да, — задумчиво произнёс Остап. — Предлагаю почтить память жертв «сухого закона» всех времен и народов вставанием. И выпить, не чокаясь.

После трогательной процедуры поминовения жертв «сухого закона» лекция продолжилась.

— Что такое алкоголь, товарищи? Это не газ, не твёрдое вещество, а, прежде всего, жидкость. Однако жидкость, товарищи, не простая. А содержащая в себе этиловый спирт! Химическая формула спирта — Це два, Аш пять, О Аш... Впрочем, это неважно... Кстати, знаете, как расшифровывается слово «ВОДКА»?.. Очень просто: «Всеобщая Организованность Добьёт Капитализм Америки»!

Раздались долгожданные аплодисменты. И было предложено выпить за всеобщую организованность.

Далее в лекции наступил перерыв, связанный с поочередным хождением участников мероприятия в уборную.

В это время неожиданно появилась жинка товарища Гарбузюка. Она принесла мужу кастрюлю с тёплым борщом. И тут же была отправлена домой со строгим указанием не мешать проведению важного совещания, а также никому об этом совещании не рассказывать.

После коллективного съедения борща, и зажжения керосиновой лампы, великий комбинатор попросил разрешения далее читать лекцию в горизонтальном положении.

Взобравшись на хозяйскую лежанку, и заложив руки за голову, он важным профессорским тоном продолжал блестяще импровизировать:

— Теперь, товарищи, перейдём к основному вопросу нашей лекции. Так сказать, к её логическому апогею. К непосредственному рассмотрению культуры алкогольного питания.

Культура питания, товарищи, во-первых, означает умеренное потребление алкоголя. Пить надо до приятного лёгкого опьянения, а не до поросычьего, извините, визга и потери сознания. Во-вторых, пить следует под хорошую закуску. И вообще, под закуску. А в-третьих, дорогие мои товарищи, культура питания подразумевает приём внутрь только качественных спиртных напитков. Повторяю, только качественных! Например, виноградного вина...

Остап бодро вскочил, наполнил все стаканы, и сделал из своего несколько смачных глотков.

— Превосходный напиток! Чувствуется опытная рука винодела! Дегустируем, товарищи. Дегустируем... Не торопитесь. Задержите вино во рту. Оцените аромат напитка. Его нежный вкус. И обязательно ощутите послевкусие... Чувствуете? Теперь закусываем... Кстати, как называется ваша доблестная винодельческая организация?

— Артэль «Червоний виноградирь», — заплетающимся голосом ответил жующий Кондратий.

Его широкое лицо в данный момент полностью соответствовало этому названию. Впрочем, как и лица всех других участников лекции, включая оратора.

— Удачное название, — похвалил Остап, и опять возлёг на постель. — А ведь виноградные вина, товарищи, можно успешно применять в медицинских, так сказать, целях. Например, красное вино весьма полезно при склерозе, гипертрофии сердца, цинге, артрите, кори, оспе, скарлатине и даже, не побоюсь этого слова, золотухе. Сухие выдержанные вина, между прочим, хорошо помогают при диабете. Крепкие вина — чудесное средство от переутомления и депрессии. А ещё, товарищи, многие опытные врачи рекомендуют своим пациентам полоскать рот тёплым слабым вином. Вы спросите — зачем? Охотно отвечу — для дезинфекции и устранения зубной боли, если таковая имеется. А вот при кровоточивости дёсен полезно держать во рту глоток коньяка...

Тут Остап неожиданно умолк, видимо вспоминая приятный коньячный вкус. И, после некоторых раздумий, совсем отвлекся от темы лекции.

Ему почему-то захотелось показать публике антирелигиозный карточный фокус.

Он попросил дать ему колоду игральных карт, и стал важно производить с ними некие таинственные манипуляции.

Но, то ли колода была сильно потрепана, то ли пропагандист научного атеизма что-то позабыл, дело не заладилось.

Поэтому кончилось всё лёгким конфузом и констатацией фокусником факта своей неудачи:

— Факир был пьян. И фокус не удался!

После торжественного произнесения этой сакраментальной фразы, окончательно заснувший комсомолец Брысь с глухим стоном рухнул под лавку.

Остап и товарищ Гарбузюк заботливо приподняли утомлённого хлопца, и бережно поволокли его к спальному месту.

Перед тем, как окончательно выключиться и погрузиться в мир сна, Кондратий попытался нежно обнять укладывавшего его Остапа. Но тот решительно отстранился и сказал:

— Извини, мой юный друг. Не люблю фамильярностей.

А про себя подумал: «Рано тебе пока обнимать меня, Кондратий. Не пришло ещё это скорбное время».

Рассказ 3

Фальшивый внук Льва Толстого

Ранним весенним утром следующего дня великий комбинатор покинул гостеприимную хату деда Панаса.

Он отбыл в близлежащий населённый пункт на повозке, управляемой скромным пожилым артельщиком Миколой, который был глухим и немым от рождения.

Транспортное средство командору любезно предоставил товарищ Гарбузюк.

На Остапе были добротные, почти новые, сапоги, тёплая тужурка с карманами, и черная каракулевая папаха.

Данное обмундирование (и 20 рублей наличных денег) было выдано ему под расписку Председателем Сельсовета. От него же великий комбинатор получил суточный запас харчей и бутылку доброго местного вина.

Столь удивительная щедрость представителя власти была вызвана фантастической метаморфозой, произошедшей с добродушным пьяненьким лектором накануне вечером.

После естественного завершения увлекательной лекции «О культуре питья алкогольных напитков», когда хозяин хаты дед Панас и его молодой квартирант были благополучно уложены спать, Остап сел поближе к Председателю, и таинственным шёпотом произнёс:

— У меня для Вас важное сообщение. Но сначала давайте выпьем. Для конфиденциальности.

Выпивание сопровождалось сосредоточенным молчанием, которое нарушалось только дружным храпом двух крепко спящих слушателей лекции.

Утомлённый бессонной ночью, вином, курением и долгим сидением в хате, товарищ Гарбузюк был расслаблен, как тёплый свечной огарок. И умелыми руками из него можно было лепить всё, что угодно.

К тому же Председатель был весьма трусоват, что, конечно же, не ускользнуло от взгляда опытного психолога Остапа Бендера.

Почувствовав, что нужный момент для охмурения представителя власти настал, великий комбинатор взял Председателя за пуговку и, глядя ему прямо в глаза, произнёс:

— А я ведь совсем не лектор... А знаете кто?.. Секретный работник Особого отдела Чека!

Потрясенный услышанным, Гарбузюк чуть не свалился с лавки.

А Остап, внезапно став трезвым и решительным, тихо продолжил:

— Я возвращаюсь из-за кордона после выполнения очень опасного задания. И мне требуется Ваше активное содействие, товарищ Председатель.

Последняя фраза была произнесена со стальной комиссарской чёткостью.

Гарбузюк попытался что-то ответить, но голос его куда-то пропал. И вместо слов из горла вырвалось только несколько хриплых звуков.

Остап налил вина, и подал стакан трясущемуся собеседнику.

Сделав несколько судорожных глотков, Председатель обрёл, наконец, дар речи, и еле слышно выдал из себя:

— Я ж... як раз хотив звязаться з вашими орханами. Та не успив...

— Вот и хорошо, что не успели, — дружелюбно ответил Остап. — Моё задание столь ответственно, что о нём знают только в Киеве. Периферийные подразделения не информированы. Строгая секретность. Понимаете? Но на рассвете я должен срочно ехать для доклада руководству. От Вас требуются — одежда, обувь, провизия, транспорт и немного денег на попутные расходы. Не волнуйтесь, потом всё будет полностью компенсировано. Вы не в борделе, Вас не обманут. Нужную расписку я оставляю... И может быть, Вас даже наградят. За ценную помощь нашим славным органам.

Гарбузюк разогнул сутулую спину, и потянулся к стакану с вином, но Остап решительно отвёл дрожащую руку Председателя в сторону.

— Потом. Потом выпьете. Сначала дело. Надо готовиться к моему отъезду.

И вот, после долгих сумбурных сборов, наступил трогательный момент прощания.

Для усиления произведённого на Председателя эффекта, Остап торжественно показал ему Орден Золотого Руна.

— Смотрите. Это особый знак отличия... За высшую доблесть. Его мне вручил лично товарищ Дзержинский в 1925 году... Однако, пора в путь. Спасибо за помощь, за угощение. И помните — до специального распоряжения никому ни слова о моём визите. Ни слова! Полная секретность! Кондратию тоже скажите. Пусть молчит, как рыба. Ведь классовые враги не дремлют... Ну, всё. До побачинья!

И уже из движущейся телеги, сложив ладони рупором, великий комбинатор прокричал рассеянно смотревшему ему в след Председателю:

— Будьте бдительны! Органы Вас не забудут!

Затем Остап быстро поднял воротник, и прилёг, в ожидании долгого и нудного пути. Но прежде чем сладко задремать, он произнёс:

— Расставшись с аборигенами, капитан Кук отправился совершать дальнейшие географические открытия...

Глухонемой Микола, оглянувшись на великого комбинатора, несмело улыбнулся. И, словно понимая смысл сказанного, одобрительно затряс своей седой головой.

К полудню повозка въехала в населенный пункт с необычным названием Шаргород.

Отправив, с помощью жестов и мимики, кучера домой, командор занялся поисками местного исполкома.

Он немного поблуждал по замызганным улицам Шаргорода, активно общаясь с его жителями. И, вскоре уже, весьма решительно, как ответственный чиновник, входил в кабинет главы учреждения — товарища Магазинченко.

Комнату в это время покидали раскрасневшиеся сотрудники, видимо после долгого скучного совещания.

В бронзовой пепельнице громоздились свежие окурки, под желтым потолком в тусклом электрическом свете медленно рассеивались клубы дыма. А за столом, в потрёпанном кресле, сидел усталый лысый человек в военном френче без знаков отличия.

Остап с достоинством сел на стул. И лишь после того, как все остальные удалились, обратился к хозяину кабинета, пившему в это время тёплую воду из казённого стакана:

— Сердечно приветствую! У вас тут, я смотрю, дым коромыслом... Просто, всё смешалось в доме Обломовых...

— Облонских, — вежливо поправил Председатель, вытирая толстые мокрые губы.

— Да, да. Конечно, Яблонских! Как я мог перепутать? Забываем классиков, забываем... Кстати, о них, о классиках. Многие говорят, что я очень похож на своего дедушку, хотя совсем не ношу бороды...

Остап насупил брови, и внимательно посмотрел на товарища Магазинченко.

— Ну и шо? — недоумённо спросил тот. — Унуки часто бывают похожи на своих дидов... И бабок.

— Конечно, — согласился посетитель. — Но тут ведь дело в том, какая бабка. И какой дед...

— Шо Вы этим хотити сказать? — начал раздражаться Председатель. — И по якому Вы, собственни, дилу?

— По личному, по сугубо личному, — загадочным тоном произнёс незнакомец. — Я хочу сказать, что я... родной внук... Льва Николаевича Толстого! От добрачной связи писателя с красивой крестьянской девушкой.

Пристально глядя на удивлённого Председателя, Остап встал и церемонно представился.

— Остап Бендер-Толстой. Вторую фамилию я специально ношу в память о горячо любимом дедушке.

— Дюже прятно, дюже... — растерянно пробормотал Председатель и тоже встал. — Яким образом у нас? Вэроятно произдом?

Неспешно присев на стол, Остап, задрал нос, и с пафосом ответил:

— Да, разумеется. Проездом. Из Жмеринки... в Ясную Поляну. Хочу ещё раз посетить родину великого предка... По воспоминаниям моей покойной бабушки, очень энергический был мужчина. Титан мысли. Кудесник пера...

— Да, да. Цэ быв талант. Одним словом, классик... А у наших краях шо дилаити, товарищ... унук?

— Путешествую. Собираю материал для книги... Я ведь тоже писатель... Как мой гениальный дед.

— Надо ж! — умилился Председатель, — Унук тоже писатиль...

— Только без графского титула, — скромно добавил Остап.

— И як называється Ваша книга, еси ни сикрэт? — продолжил разговор со знаменитостью Предисполкома.

— Не секрет, — ласково ответил фальшивый внук. — Рабочее название: «Мрак и свет». Психологический роман эпического характера, с элементами классовой борьбы. О тёмных и светлых сторонах буржуазной жизни. В контексте торжества новой советской действительности и неизбежной агонии пережитков капитализма.

— Интирэсно. Дюже интирэсно... А иде ж Вы остановились?

— Пока нигде, — грустно произнёс великий комбинатор. — Собственно, по этому поводу я к Вам и зашёл. Очень неудобно об этом говорить, но... Понимаете, непредвиденные расходы... Да ещё этот дорожный казус... На меня напали. Ограбили. И даже повредили лицо. Видите, распухло? Спасибо, добрые люди помогли одеждой и провизией. Даже не знаю, как ехать дальше без денег...

— Ой-ой-ой, — посочувствовал Председатель. — 3 грошамы, правда, у нас щас погано. Совсим нэма. А вот з ночлигом мы вам подмогнем. Идिति у Дом крэстьянина, я напышу запыску дижурному. Вас разместять, як ответственного гостя. Бэз усяких расхондыв з вашей стороны. А завтра шо-нибудь прыдумаим.

— Благодарю, благодарю, товарищ...

— Магази́нченко, — подсказал Председатель.

— Да, товарищ Магази́нченко. Тронут до глубины души... Я обязательно упомяну Вас в своей новой книге. Обязательно упомяну ... В самых изысканных выражениях...

Через пару минут нужная записка была готова. И, довольный собой, Остап собрался навсегда покинуть душный прокуренный кабинет. Однако его добродушный хозяин не спешил отпускать диковинного гостя.

— Подождити, подождити, ни уходьте так шустро! Я угощу Вас горячим чаем. Та расскажу о недавним визити к нам дочки лэйтэнанта Шмидта.

— Как? Дочки? Того самого лейтенанта Шмидта? — искренне удивился Остап.

— Ага. Того самого. Кстати, вона тоже обратилася к нам за материальной подмогой. Так я распоряжуся насчёт чая?

— Нет, спасибо, спасибо. Не беспокойтесь... Я сыт, — поспешил откланяться Остап. — К тому же, очень устал. Очень... Хочу отдохнуть, привести себя в порядок. А чай как-нибудь, в следующий раз... Мне также надо срочно поработать с рукописями. Чтобы ничего не забыть, ничего не упустить...

— Понимаю, понимаю — благодушно кивнул головой Предисполкома. — Так заходить завтра. Посли десяти. Я буду на мисти. Приятно было познакомиться!

Рассказ 4

Бродячий корреспондент

Комфортно переночевав в Шаргороде, Остап на следующий день попутным транспортом прибыл в соседний городок Немиров.

Там, после посещения бани и столовой, он осчастливил своим присутствием местный магазин культтоваров, в коем были приобретены пухлый кожаный портфель, большой блокнот с чёрными лакированными корочками, пара простых карандашей и складной перочинный ножик.

Далее путь великого комбинатора лежал в редакцию местного печатного органа.

— Здравствуйте, — приветливо обратился он к его главному редактору, оказавшемуся, ко всему прочему, приятной молодой женщиной. — Позвольте представиться — Остап Бендер. Корреспондент газеты «Вечерний Киев». Как местная жизнь? Бьёт ключом? Каковы печатные успехи?

— Здравсьте. Очинь рады работнику столичной прэссы, — ответствовала главный редактор. — Оксана Хавчик. Руковожу немировськой газетой... А Вы давно з Киива, товарищ?

— Признаться, давно. Ездил в Жмеринку. Навестить прихворнувшего дядю... Помните, как у Пушкина: «Мой дядя, правильный и честный, не в шутку как-то заболел...»

— У Пушкина, кажись, було ни так, — возразила Оксана Хавчик.

— Конечно не так, — спокойно согласился Остап. — Пушкинский дядя, к сожалению, усоп... А вот мой, наоборот, поправился. И уже с большим энтузиазмом закусывает горилку салом и галушками... Однако, у меня к Вам небольшое дело.

— Слухаю вас, товарищ.

— Дело состоит в том, что я, ухаживая за горячо любимым дядей, немного задержался... Поистратился... Знаете, лекарства и разные процедуры... Теперь вот, на перекладных добираюсь...

Остап замолчал, и очень грустно вздохнул.

— Я слушаю, слушаю. Продолжайти.

— Так вот. Пустяковая просьба. Ерунда... Не могли бы Вы дать мне справку. Для начальства... Что моя задержка в вашем славном городе связана со сбором материалов для статьи... О местных людях, трудовых успехах, ну там, достопримечательностях... Понимаете?

— Конечно, конечно. Щас напышим, — отзывчиво сказала главред, доставая чистый редакторский бланк. — Давайте Ваше Удостоверэние, я пэрэпышу данные.

— Видите ли, — замялся Остап, — в том-то и проблема, что Удостоверение корреспондента я, по рассеянности, забыл... У дяди. Очень спешил уехать. Возвращаться не стал. Плохая примета. Да и

время, знаете, поджигает... Дяде я уже телеграфировал, он обязательно вышлет мне Удостоверение в Киев. Ценным письмом. А пока приходится вот так. Ехать без документа...

Остап поморщился, опять тяжело вздохнул, и стал чесать понурую голову.

— Ни журишь, товарищ, — утешила его главред. — Напышим и бзз Удостоверэния. Дихтуйти Ваши данные.

Через десять минут радостный командор уже спешил выйти из редакции с нужной справкой, а также с десятью рублями, одолженными на время.

— Я вышлю. Переводом. Как только доберусь до Киева. Обязательно. Слово спецкора! Вы меня крепко выручили. Спасибо, товарищ Оксана! — крикнул Остап, покидая гостеприимный кабинет.

В ответ послышалось:

— Та можети ни высылать. Мы оформим цэ як матпомощь по профсоюзной линии. Привет Кииву!

«Какой щедрый и простодушный народ живёт в провинциях, — выйдя на улицу, благоговейно думал Остап, — не то, что в высокомерных и пафосных столицах»...

День был по-весеннему прекрасен.

Сквозь обрывки кудрявых ватных облаков проглядывало ласковое украинское солнышко. В многочисленных тёплых лужах купались пухлые воробьи.

Остановив жестами проезжавший мимо грузовик, Остап, широко улыбнулся, и осведомился у шофера о его дальнейшем маршруте.

— В Гайсин? Замечательно! Попутчика не возьмете? Я корреспондент газеты. Мне как раз именно туда и надо. По важному делу...

И, получив согласие водителя, комбинатор с удовольствием влез в кабину. А затем, словно капитан Кук, скомандовал:

— Отдать швартовы! Полный вперёд! Курс — на Гайсин!

Добродушный шофер усмехнулся в чёрные казацкие усы, закурил папироску, и лениво спросил:

— Значить по дилу едите?.. Вы, я бачу, ни мэстных...

— Так точно, — по-военному ответил Остап. Я из Киева. Вернее, работаю в Киеве. А у вас тут в командировке. Собираю материал для статей и очерков. Извините, товарищ, надо кое-что срочно записать. Работа такая...

Остап важно извлёк из портфеля новый чёрный блокнот, послунявил карандашик и, тихо бормоча, стал делать многочисленные записи.

Машину сильно трясло на ухабах, и карандашные буквы прыгали по бумаге, словно хлопцы, танцующие гопак. Но Остапа это несколько не смущало. Видимо, подобным способом он хотел прекратить всякие бестолковые разговоры, и немного подумать о своих дальнейших действиях.

Работа корреспондента решительно нравилась потомук янычар. Она во многом соответствовала его вольному стилю жизни и размашистому образу мысли.

«А может и впрямь, устроиться корреспондентом в какое-нибудь солидное издание, — неспешно думал Остап, — У меня это неплохо получится. Буду строчить злободневные статьи и фельетоны, получать гонорары, сделаю карьеру, прославлюсь, в конце концов... Хорошая перспектива! На досуге можно обмозговать... Хотя нет, штатная работа лишает людей независимости и подлинной свободы передвижений. А впрочем, можно ведь заделаться внештатным сотрудником...»

Прибыв в город с китайским названием Гайсин, командор незамедлительно отправился к главе его коммунальной службы товарищу Пичужко.

Небольшое дружелюбное интервью и беседа о текущих проблемах местного гостиничного хозяйства обеспечили Остапу скромный ночлег в Доме для приезжих и не менее скромный вегетарианский ужин в близстоящей столовой.

Утром, посетив редакцию гайсинской районной многотиражки, и пополнив коллекцию справок, великий комбинатор продолжил свой извилистый, и временами тернистый, путь бродячего лжекорреспондента.

В Умани Остап взял два интервью у местных административных работников, что гарантировало ему бесплатное посещение знаменитого дендропарка «Софиевка» и дружеский обед с лёгкой выпивкой.

В дендропарке командору особенно понравились фонтан «Змея» (стоящий в центре живописного пруда) и действующая модель мифической подземной реки Стикс, от которой, впрочем, сильно пахло канализацией.

В Новоархангельске, в актовом зале местной конфетной фабрики, Бендер блистательно прочёл актуальную лекцию «О культуре питания, закусывания и опохмеления». После чего, впечатлённые услышанным, труженики кондитерского фронта подсластили кочевую жизнь Остапа увесистым льняным мешочком с карамелью, леденцами и бракованными конфетами-тянучками.

В Черкассах командор в одной из школ организовал импровизированный слёт юных друзей периодической печати и наглядной агитации.

Благодарные пионеры одарили фальшивого столичного корреспондента увесистым ворохом школьных стенгазет и деревянной моделью трактора «СТЗ», в пропорции 1 к 25.

Впрочем, стенгазеты и трактор вскоре были торжественно переданы в местный Отдел народного образования, в обмен на справку об «участии товарища О. Бендера в проведении культурно-просветительных мероприятий в городе Черкассы».

В Борисполе Остап проинспектировал банно-прачечный комбинат, и взял два коротких блиц-интервью — у директора краеведческого музея и у Председателя местного профсоюзного комитета работников общественного питания.

Так, путем проведения многочисленных интервью и чтения немногочисленных, но содержательных и очень актуальных лекций, великий комбинатор обеспечивал себе достойную еду, ночлег и покрытие текущих транспортных расходов.

Достигнув стольного града Киева, Бендер поселился на его окраине в одной из скромных гостиниц-общежитий, назвавшись делегатом конференции редакторов и корреспондентов провинциальных изданий.

Четыре дня у него ушло на основательную литературную обработку собранных за время скитаний по украинской глубинке материалов. Затем, посетив магазин готового мужского платья и парикмахерскую (по-местному «Пирукарню»), обладатель пухлого коричневого портфеля и дюжины, заверенных печатями и подписями, справок из разных учреждений, явился пред ясны очи заведующего Отделом внештатной корреспонденции одного из солидных общественно-политических республиканских журналов.

После долгих и вязких переговоров, а также творческой доработки ценных рукописей, последние были успешно обменены на некоторую сумму денег и официальное Удостоверение внештатного корреспондента данного престижного издания.

Отметив это приятное событие шикарным обедом в оказавшейся поблизости райкомовской столовке, Остап принял судьбоносное решение перебраться на территорию соседней РСФСР.

По пути, в городе Харькове, после неудачной попытки организовать при кирпичном заводе драматический кружок имени Станиславского, рядом со зданием заводоуправления командора чуть не сбил с ног неутомимый и вездесущий инженер-путешественник Талмудовский.

Как всегда, громко возмущаясь и тряся большим потёртым чемоданом, специалист-летун резво вскочил на сиденье попутного таксомотора, и незамедлительно скрылся в облаке дорожной пыли.

«И как ему не надоело мотаться по городам и весям? — подумал Остап, — Просто какой-то Вечный Жид на колёсах... Впрочем, я и сам от него недалеко ушёл, то есть уехал...»

Рассказ 5

Паниковский воскрес?

Постепенно великий комбинатор продвигался всё ближе к многолюдной и шумной столице СССР. Именно туда его почему-то тянуло, как магнитом.

Остапу хотелось найти где-нибудь поблизости от Москвы тихое благоустроенное пристанище, какой-нибудь уютный Дом творчества литературных работников. Хотелось спокойно и комфортно в нём пожить, не обременяя свой мозг проблемами быта и здорового питания. И хотелось, наконец, основательно осмыслить то, что произошло с ним на советско-румынской границе. Хотелось всецело отдаться своему безмерному горю, связанному с потерей страстно любимого и позорно утраченного миллиона рублей.

Ему очень хотелось на некоторое время упиться этим горем. А затем, успокоившись и позабыв о былых неприятностях, чётко решить — как, где и, главное, на что жить дальше.

Ежедневные заботы о ночлеге и хлебе насущном поглощали время и силы командора, и он решительно гнал от себя все мысли о потерянных денежных возможностях и о вдребезги разбившейся хрустальной мечте, связанной с далёким прекрасным Рио.

Лишь иногда, во сне, тревожные чувства и мысли о финансовом крахе и безрадостном одиноком будущем ненадолго посещали подсознание Остапа. Но в таких случаях он всегда старался побыстрее проснуться, и с головой окунуться в решение какой-нибудь неотложной мелкой проблемы.

«Позже всё проанализирую, — думал великий комбинатор. — Позже. Тогда и приму судьбоносное решение о дальнейших жизненных действиях. А пока, пусть моя душевная рана хоть немного заживёт, зачем сейчас сыпать на неё соль?».

Славный город Белгород встретил Остапа цветущими вишнями и молодой изумрудной травкой с ярко-жёлтыми пятнами радостных одуванчиков.

Вдыхая пьянящие запахи весны, командор беспечно брёл по тихой старинной улочке мимо нового фанерного стенда «Их разыскивает милиция», когда, вдруг, его боковое зрение, работая в автоматическом режиме, передало в мозг шокирующую информацию: «На стенде портрет Паниковского!».

Действительно, с одного из серых плакатов на редких прохожих испуганно глядело лицо бывшего киевского слепого и ценителя гусиных шеек, ножек и крылышек.

«Не может быть! — подумал Остап, остановившись у стенда, и разглядывая тусклую фотографию мужчины, поразительно похожего на Паниковского.

Стремясь быстрее развеять все сомнения, он стал внимательно читать текст под снимком. И, к великому своему удивлению, обнаружил следующую информацию:

«Разыскивается, по подозрению в совершении в городе Москве, весной 1931 года, крупного ограбления, особо опасный преступник Паниковский Михаил Самуэлевич, 1874 года рождения».

Комбинатор был ошеломлён.

«Как же так?! — судорожно думал он. — Я лично участвовал летом 1930 года в предании земле скорбного тела Паниковского. Неужели он мистическим образом воскрес, и занялся крупными столичными грабежами? Не верю! Ни на йоту не верю! Спиритизм какой-то...»

В оцепенении Остап довольно долго простоял у милицейского стенда, размышляя о феномене жизни после смерти горемычного Михаила Самуэлевича.

Трезвый атеистический ум командора искал реальные (а не чудесные, мистические или фантастические) объяснения существования только что обнаруженного плаката. И, в конце концов, робко остановился на версии корыстного использования неизвестным дерзким налётчиком имени бедного Паниковского. Или же использования его когда-то утерянного паспорта.

«Призрак Паниковского бродит по стране, — удаляясь от стенда, рассеянно думал Остап, — ловко похищает крупные суммы денежных знаков. И остаётся при этом неуловимым и безнаказанным...»

В дальнейшем, великий комбинатор неоднократно возвращался в мыслях к теме загадочного воскресения из мёртвых незабвенного Паниковского. Но так и не пришёл к окончательным выводам, по поводу столь необычного явления.

А между тем, явление объяснялось просто. В свое время, Шура Балаганов, попался на краже в московском трамвае. И в кармане у него было 50 тысяч рублей (щедрый подарок Бендера). Вот Шура и заявил в милиции, что деньги ему, якобы, передал на хранение гражданин Паниковский (всё равно его уже никто никогда не найдёт).

Балаганова, естественно, посадили. Ну, а Паниковского объявили во всесоюзный розыск.

В Курске Остапа чуть было не арестовали по подозрению в уклонении от уплаты алиментов. Оказалось, что он лицом и ростом удивительно похож на разыскиваемого мужчину.

И командор спешно покинул сей край магнитных аномалий и звонких соловьев.

В Орле Бендер, посредством Квартирного бюро, снял небольшую комнату у тихой аккуратной пенсионерки Матильды Абрамовны, и провёл несколько дней в читальном зале городской библиотеки.

Он внимательно просмотрел подшивки журналов «На литературном посту», «Пролетарская литература», «Литература и марксизм», «Литература и искусство» и «Красная новь» за последние полгода, ознакомившись с новостями публицистики, литературы и искусства. Тщательно порылся в карточках библиотечного каталога, пролистал десяток толстых книг и энциклопедий, и сделал несколько важных записей в своём дорожном блокноте.

Ранним апрельским утром он отбыл в Тулу — родину знаменитых пряников, гармоней, ружей и самоваров.

Выйдя из вагона на Курском вокзале Тулы, великий комбинатор решил задержаться здесь подольше, и постараться наладить контакт с местным Книжным издательством. В планах у него было заделаться новоявленным пролетарским писателем, взяв себе какой-нибудь звучный псевдоним.

И т.д. И т.п...

Тексты свежих версий всех позитивных книг Игоря Тютюкина можно бесплатно скачать с сайта автора

<http://tutukin1.narod.ru>